

Подготовка специалиста-культуролога определяет место и функции языка иврит в общей системе учебных дисциплин. Приобщая студентов к общечеловеческим ценностям, мы непременно обращаемся к первоисточникам и, прежде всего, к тексту Книги книг — Библии, этика и эстетика которой повлияли на последующее развитие мировой культуры, литературы и искусства, а также к текстам, сложившимся в процессе ее толкования. Изучение иврита, который является классическим языком наряду с латинским и греческим и преподается в университетах всего мира, расширяет филологический кругозор студентов. Ставя целью формирование духовно одаренного человека, следует помнить, что духовность рождается благодаря диалогу культур: осознание себя в качестве субъекта национальной культуры возможно лишь в процессе общения с иными культурами.

В архивах и библиотеках Беларуси хранится обширный корпус литературы на иврите, составляющий научное, духовное и историческое наследие как белорусских евреев, так и всего белорусского народа. До настоящего времени для работы с этой литературой, как правило, привлекались иностранные специалисты. Изучая язык иврит, студент лучше осознает национально-культурное многообразие Беларуси, вклад различных наций в общее пространство белорусской культуры. В данном случае иврит становится воспитательным средством, которое развивает патриотические чувства личности, формирует ее гражданскую позицию, влияет на формирование мировоззрения.

Наша страна стремится к достижению высокого уровня международного экономического, научного, политического, социально-культурного сотрудничества с зарубежными партнерами. Подготовка культурологов-специалистов, владеющих несколькими языками, в том числе и ивритом, расширит международные связи и рамки межкультурного диалога. В данном случае можно утверждать, что знание иврита является своеобразным экономическим фактором, способствующим повышению конкурентоспособности Беларуси на рынке различных сфер деятельности. В настоящее время в израильском обществе наблюдается неподдельный интерес к личностному ракурсу составляющих еврейской культуры: в создании иврито-язычной литературы, еврейской культуры в целом большую роль играли и выходы из нашей страны.

Данные положения могут найти воплощение в создании авторских методик в преподавании иврита, предполагающих активную работу с культурологическими текстами.

РАСХОЖДЕНИЕ ВО ВЗГЛЯДАХ ЗАПАДНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЭКСПЕРТОВ В ПОНИМАНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Амосова Т. В., Белорусский государственный университет

В своей работе «Что же означает — говорить» («*Ce que parler veut dire*»), выпущенной в 1982 г., известный французский социолог Пьер Бурдьё указал, что в иерархии речевых регистров уровни речи соотносятся

так же, как и страты общества, т. е. каждой страте общества соответствует свой речевой регистр, а структурная социология языка должна заниматься изучением соотношения этих двух структур (иерархий).

На вершине иерархии речевых регистров находится так называемый *легитимный язык*, т. е. форма языка, которая санкционируется институтами социализации и, в частности, мощно лоббируется институтом образования. Легитимный язык отличается от стандартизированного. Представим себе, что индивид следует всем нормам стандартизированного языка, являющегося для него иностранным. Но у него нет воспитанной с детства привычки производить артикуляцию фонем совершенно определенным образом, свойственным элите данной языковой группы, или даже вести себя определенным образом во время речи, например кланяться, как в восточных культурах. Его речевое поведение уже не подпадает под определение легитимного языка, поскольку легитимный язык базируется на наличии у индивидов *лингвистического габитуса* (комплекса установок на продуцирование речи и, в частности, на выбор того или иного речевого регистра или даже языка, или акцента) и *лингвистического гексиса* (физиологической предрасположенности, сформированной с детства, вести себя определенным образом во время речи).

Для французской культуры аутентичность лингвистического гексиса предельно актуальна. Эта тема (тема акцента) широко обсуждается во французской литературе, например в новелле Андре Моруа «Остров эстетов», где главный герой испытывал сложности психологического и коммуникативного плана в школе из-за своего акцента.

Идеи Бурдьё, изложенные в вышеупомянутой работе, не нашли такого распространения, как иные его творческие изыскания, поскольку слишком тесно были связаны с французской и только французской действительностью. Бурдьё на основании идеи о *легитимном языке* выводит понятие лингвистического капитала: это легитимный язык, который приносит символическую и экономическую выгоду в определенном лингвистическом поле. Например, знание юридической терминологии и ловкое владение ею выдает в человеке профессионального юриста, к которому коллеги-юристы автоматически проникаются доверием и уважением. Таким образом, данный лингвистический капитал свидетельствует о наличии у индивида символического капитала в поле права, т. е. в любом случае лингвистический капитал является источником символической выгоды. Экономическую выгоду этот капитал несет в себе тогда, когда профессиональный адвокат на шаблонном, легитимном, принятом в данном поле юридическом языке оформляет заявление своего клиента в суд, которое можно было бы написать иначе, проще, но это не вызвало бы должного уважения и внимания со стороны судьи и прочих вовлеченных в правовое поле агентов.

Нами был проведен опрос среди экспертов — дипломатических сотрудников и владельцев частного бизнеса, профессиональная деятельность которых связана с использованием иностранных языков и родного языка на высоком профессиональном уровне.

Среди вопросов, предложенных экспертам для обсуждения, особенно выделяется вопрос о «хорошем языке», или легитимном языке. Американцам было предложено сформулировать, что они считают «хорошим англ-

лийским», а нашим соотечественникам определить, что является для них «хорошим русским языком».

Выяснилось, что, по мнению американцев, хорошо говорит по-английски тот, кто использует огромное количество синонимов, поскольку именно синонимическое богатство и разнообразие английского языка представляет для них особую гордость, на что они отдельно указывают. Более того, «хороший английский» был четко локализован: для США — это язык хорошо образованных белых жителей Среднего Запада. Нью-Йоркцы, например, автоматически не могут относиться к говорящим по-английски хорошо, поскольку Нью-Йорк — это «экстремально» мультикультурный, а следовательно, толерантный к отклонениям от нормы, в том числе языковой, город. Люди, даже рожденные в Америке, но не на Среднем Западе, желающие войти в социальную элиту американского общества, стремятся исправить свой выговор и посещают специальные языковые корректирующие школы.

Особое внимание один из экспертов-американцев уделил тому, что Бурдые назвал «лингвистическим гексисом», а именно: манере вести себя во время речи, интонации оратора, манере смотреть на собеседника и другим экстралингвистическим факторам. Все эти составляющие могут испортить отношение к собеседнику даже при условии его безупречного владения стандартизированным языком, если они не вполне удовлетворяют ожидаемым нормам.

Для американцев «хороший английский» — это, в первую очередь, маркер социального статуса его носителя, ценный ресурс, не для всех одинаково доступный. Так, в частности, работодатели не поощряют женщин пользоваться «хорошим английским», поскольку тем самым женщины демонстрируют свою готовность и годность занять место мужчин, доминирующих в ведущих сферах жизнедеятельности американского общества (например, в политике, экономике, дипломатии). От них ожидают владения шаблонным простым языком, распространяющимся благодаря телевидению, так как американское общество остается маскулинным по своей сути.

«Хороший русский язык», по мнению экспертов из Беларуси, — это, в первую очередь, язык без вкраплений нецензурной лексики, «красивый» язык. Носителю хорошего русского языка должна быть свойственна грамотность, выражающаяся в правильной постановке ударений в словах и компетентном использовании иностранных слов. Складывается впечатление, что доминирующей характеристикой «хорошего русского языка» являются его эстетические свойства, его красота. Один из экспертов утверждает, что стремиться говорить по-русски хорошо должны все, что «хороший русский» — это общеобязательная цель. Отсюда вытекает, что русский язык — менее ценный символический и экономический ресурс, чем английский, поскольку еще не возникло озабоченности по ограничению доступа к его легитимной форме. Нужно отметить, что во Франции ситуация похожа на ситуацию в США: социальная элита Франции стремится оградить «народ» от приобщения к легитимному языку, несмотря на попытки тотального его насаждения через систему образования. Просто система образования Франции, по наблюдениям Бурдые, изначально сориентирована на выходцев из высших и средних классов, а речь преподавателей, непонятная ученику из рабочей среды, обращена, в первую очередь, к детям из высших социальных слоев.